

Андрей Ставров
Вракли

Андрей Ставров

**Вракли. Почти правдивые
истории, переданные честно и
беспристрастно. Ну, почти...**

«Издательские решения»

Ставров А.

Вракли. Почти правдивые истории, переданные честно и беспристрастно. Ну, почти... / А. Ставров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902348-3

Связав всю свою жизнь с ядерной физикой, на склоне лет ощутил неудержимый писательский зуд. Длительное время травмировал родных и друзей своими произведениями. Пока по наущению окружающих не решился собрать всё написанное в книги. В их основе — почти всё, что происходило с автором в его жизни и жизни семьи. Кое-что, что могло бы произойти, если... А также то, что точно не происходило. Хотя... Илл. на обложке: И. Босх (1450—1516). Операция глупости. Милан, Прадо Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-902348-3

© Ставров А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие: как я стал графоманом в смутной надежде, что это не так	6
Бабушка и не только	10
Проныра	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вракли

Почти правдивые истории, переданные честно и беспристрастно. Ну, почти...

Андрей Ставров

© Андрей Ставров, 2019

ISBN 978-5-4490-2348-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моему самому близкому и самоотверженному другу, моей любимой музе и жене по совместительству, которая единственная из нашего окружения не причитала ни строчки из всего мною написанного. С надеждой, что таки прочтёт...

*Врать – означает приукрашивать истину
в целях её более художественного изображения.
Обманывать – говорить неправду, т.е. лгать
Вракли – письменное изложение вранья.
Врать можно – нельзя обманывать*

Я.

*Каждый человек может написать
как минимум один роман – роман о его жизни.*

Кто-то

*В школе я ненавижу писать сочинения,
поэтому не любил уроки литературы*

Предисловие: как я стал графоманом в смутной надежде, что это не так

Еще совсем недавно появление этого субъекта в коридорах издательств или редакций толстых, не совсем толстых и совсем тонких журналов вызывало панику сотрудников и желудочно-кишечные колики у директоров и главных редакторов. Толстый или худой, высокий или низенький, брюнет, блондин или совсем лысый, чаще мужчина, реже женщина. Всех их объединяло одно – горящие глаза и толстая папка под мышкой. В папке – гениальное. То ли роман, то ли сага, реже повесть, иногда стихи. Бывали и сборники рассказов и даже пьесы. Каждый из авторов, вне всякого сомнения, был выдающимся творцом, инженером человеческих душ, а проще – великим писателем. По крайней мере, таковым в собственных глазах, а также, по мнению родных и близких. Которые также весьма вероятно рассчитывали на часть гонорара, как компенсацию морального урона, полученного в течение многих часов прослушивания бессмертного творения. Что двигало этими людьми? Слава, красивая жизнь, которую по слухам вели удостоившиеся права увидеть свои имена, набранные типографским шрифтом, заоблачные, опять же по слухам, гонорары... А может просто не мог этот субъект не писать. Как почти по Жванецкому – писать как и писать надо, ну, когда уже не можешь... Кого-то вышибали за двери издательства или редакции бдительные дежурные, кто-то добирался до секретарш, кому-то повезло попасть к заму, и совсем уж счастливые или просто везучие, представляли перед очами главреда или директора. Бесспорно, среди орд этих графоманов были настоящие таланты. Редкие, как жемчужина в куче навоза. Их появление доказывало остальным неудачникам, что все это дело случая, что это совсем незаслуженно, что вот я, именно я должен был быть на его, этой бездарности, месте... Можно было, конечно, и по почте отправить свою нетленку. Можно, конечно. Чтобы получить стандартный ответ типа – портфель заказов редакции сформирован на этот год, впрочем, и на следующий, а также на пятилетку, да и вообще до конца столетия. Так что, уважаемый, принять Ваше, в целом интересное произведение, мы не можем.

Вот так, или приблизительно так, из год в год шла невидимая для остальной части наших граждан битва. Сколько судеб было изломано из-за непризнания и равнодушия. Сколько инфарктов и инсультов поразило редакторов журналов и директоров издательств. Сколько реально талантливых произведений не встретили своих читателей? Кто знает? Но тут как ангел с неба упал на головы человечества Великий и Ужасный Интернет вместе с неразлучным и не менее великим, но совсем не ужасным Компьютером. Зачем ночами скрипеть пером, к счастью хоть не гусиным, зачем бегать и унижаться перед машинистками, платить им за то, чтобы наскрябанные вами сотни листов перевести на читаемый даже без очков машинописный текст. С тем, чтобы потом сложить эти листики в красивую папку с завязками, надеть парадный костюм и рубашку с галстуком и бегом в редакцию. А там, прямо с порога в морду... Сейчас же благодать. Стучи по клавишам, исправляй, сохраняй. Тут тебе красненьким подчеркивает, что тут два п надо, а тут ни одного. Можно распечатать любым шрифтом, можно и рисуночки вставить, и свое фото с женой на фоне Эйфелевой башни....А можно....

Кто те гении, что первыми придумали эту proza.ru и ему подобные сайты? Кто спас сотни редакторов журналов и директоров издательств, а также сотни тысяч пишущих соотечественников? В конце концов, неважно кто, важно к чему это привело. Каждый может стать писателем. Именно писателем, потому что писателем становится любой пишущий, как только у него появляются читатели. Нет, не те родственники, которые из вежливости или от безысходности выслушивают ваше авторское заунывное прочтение. Нет, совсем вам незнакомые люди. И мало того, что они читают, так они и реагируют! Более того, чаще всего благожелательно. Может быть, правда, они ваши собраты по этому ремеслу. Но и это не важно. Главное, вы теперь имеете возможность самовыражения. Графоман в сети интернета уже и не графоман. Он не ищет славы, не рассчитывает на гонорар или всемирное признание. Конечно, может его и поддерживают легенды, как один крупный издатель случайно прочитал, предложил, заплатил.. Может быть и так. Но вот что интересно. Там, на этих сайтах, действительно можно встретить что-то забавное, интересное и даже увлекательное. В конце концов, почему бы и нет? Разве мало талантов на просторах нашей необъятной?

Среди ненавистных предметов в школе, литература и русский язык были самыми мной ненавистными. Русский язык потому, что читал я целыми абзацами. Следовательно, запомнить правописание отдельных слов не мог. Учить же правила было нестерпимо скучно. Я был и есть абсолютный технарь и любой предмет, в котором логики было мало или вообще не было (История КПСС или научный коммунизм) мной воспринимался с трудом. По этой причине в дневнике физика, математика, химия и кое-что еще были на пять, язык же выше трех не получался. Не лучше дело было с литературой. Т.н. классика восторга не вызывала. За исключением весьма ограниченного числа произведений большинство вызывало зевоту и дойти не то, чтобы до их конца, а даже до середины было не в мочь. Хотя читал я много. Так много, что дневного времени не хватало и много раз родители вылавливали мне под одеялом с фонариком и книгой. А что же говорить о сочинении. Темы – идиотские. Типа: пейзаж в «Войне и мире» на примере известного описания дуба. У меня вообще позже в душу закралось подозрение, что Лев наш Николаевич был супер графоманом. На эту мысль, как ни странно, навело меня именно то описания дуба, о котором размышлял Болконский. Не меньше проблем было и со свободной темой. Считалось, что надо писать о чем-то возвышенном, о народе, партии, комсомоле. Какие там рассуждения о партии, когда вид коротенькой юбки соседки по парте наводили на иные, уж совсем не печатные мысли.

Окончив физфак, я попал по распределению в Ядерный центр, где требования к писательству были просты. Заявления разного типа – по форме. Отчеты – по правилам. Статьи –

по требованиям редакции. Диссертации – по указаниям ВАКа. И никаких вольностей. Заявления писались от руки и в таком виде пускались в дело, все остальное попадало в руки секретарш-машинисток, и их грамотность придавала документу, статье, диссертации окончательный приемлемый вид. Я же нес ответственность лишь за содержание.

С появлением компьютера секретарши-машинистки вымерли как класс, а я благодаря Word с удивлением узнал, что «в течение», оказывается оканчивается не на И, а на Е! И перестал краснеть, сдавая в редакцию очередной опус. Так продолжалось до тех пор, пока я не послал на три буквы одну сволочь зам. министра и не оказался в частной компании. Среди новых коллег я выглядел поначалу белой вороной, чему способствовали моя предыстория, уровень образования и остепенненность, а также интеллигентный вид. По этой причине помимо основных обязанностей зам. гендиректора по науке, на меня возложили подготовку информационных материалов, которые я обозвал «вракли». Они должны были убеждать купивших наши приборы, что те не только не ошиблись, но обязаны продолжать покупать до скончания веков и убеждать остальных следовать их примеру. Требований было никаких, точнее два. Первое – нравиться Гендиректору. Гендиректор, он же единственный владелец фирмы, жесткий и требовательный руководитель не прощал промахов, был криклив и крут на расправу. Зная историю моего предыдущего увольнения, он меня уважал, любил и побаивался, чем я беззастенчиво пользовался. По этой причине фактически оставалось лишь одно требование нравиться покупателям.

И к собственному изумлению я обнаружил, что писательство представляет собой приятное занятие. Более того, когда фирма из небольшого кооператива превратилась в довольно известное предприятие не только на просторах бывшего СССР, но и в Европе, Азии и даже США, появился еще один вид моей деятельности. Выступления на конференциях, выставках, семинарах и прочих мероприятиях в маняще привлекательных местах типа Вены, Парижа и прочих. Я убедился, что на Западе статьи и доклады принято писать в легкой, можно сказать даже в слегка легкомысленной форме. И меня понесло. Я упражнялся в собственном остроумии, украшал свои произведения эпитафиями, цитатами любимых авторов. Более того, я умудрился переводить эти вставки на английский и срывал аплодисменты на своих выступлениях. И несло так до тех пор, пока жизнь круто не изменилась. Не суть в том, как и куда меня понесло, но важно, что обязательность в писательстве на благо фирмы ушла вместе со мной.

Прошло пару лет. Я нежился в новых условиях своего существования. Небременные обязанности свободного эксперта и научного консультанта, многочисленные приятные командировки по замечательным местам Европы и Америки, причем в сопровождении любимой жены (ее участие в обязательном порядке определялось в каждом контракте) в полной мере соответствовали лозунгу «Жизнь удалась!» И вот, однажды, наш питерский друг известный под прозвищем Бухарец, который был уже довольно известным писателем на просторах Интернета, обратился ко мне с просьбой написать предисловие к очередному его сборнику. Этот сборник он намеревался выложить опять же в Интернет с робкой надеждой, что заметят... (см. выше). Я поупирался для приличия и согласился. Предисловие – пару страниц – не проблема. Дойдя до шестнадцатой, я уже не мог остановиться. С трудом, наступив на горло собственной песне, я выдрал из неё четыре или пять и отправил другу. А далее... Далее меня засосало. Но.. Я удачно женился много лет тому назад. Хотя, это, конечно, не означает, что моя жена удачно вышла замуж. По этой причине в нашей семье она умная, а я симпатичный. И умная моя жена сказала:

– Милый, ты, несомненно, талантлив! Пиши, только не лезь со своим творениями ни в Интернет, ни, боже упаси, в редакции. Пиши для себя и тех, кто любит тебя таким, какой

ты есть. У тебя много замечательных историй и твоим друзьям и родственникам это будет интересно.

Мне кажется, что основная мысль, которую она не высказала, была: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы детей на стороне не заводило. По крайней мере, это подтверждается ее твердым отказом читать мои писания.

– Я за эти долгие годы наслышалась от тебя этих историй многократно и принимала в них непосредственное участие, чтобы их еще и читать!

Я последовал этому мудрому совету. Другьям и родственникам нравится. Так они говорят. Некоторые выражают такой бурный восторг, что закрадывается подозрение в неискренности. Тем не менее, чем грубее лесть, тем приятнее ее слышать. А что касается жены, то я ее предупредил о своем завещании: чтобы стать единственной моей наследницей, она должна будет выучить всё написанное мной наизусть и зачитать на поминках, на девять и сорок дней и окончить на годовщину! Кроме этого решил издать книгу с тем, чтобы раздать другьям, а ей облегчить процесс запоминания материала...

Бабушка и не только

Моим воспитанием почти никто не занимался.
Даже улица. Кроме Бабушки.
Как ей удалось не испортить меня – ума не приложу.

Так случилось, что отец мой умер, когда я был пацаном тринадцати лет. Помню я его смутно, так как виделся с ним не часто и недолго. Мама в то время училась в аспирантуре в Питере, а отца после его аспирантуры отправили по распределению в маленький полесский городок Мозырь. Родители, видимо, сочли, что школа в Питере, точнее в то время в Ленинграде, была несколько лучше, чем в этой полу-деревне на берегу Припяти. Кроме этого, мне кажется, что отношения между родителями были далеко не безоблачными и, если бы отец не заболел, вероятнее всего, что они бы развелись. Таким образом, лето я проводил с отцом, а остальное время в «скворечнике». Так прозвали друзья и родственники крохотную комнатушку в коммунальной квартире, где жило 5 семей. Площадь скворечника была метров 16—18, плюс небольшой коридорчик длиной пару метров и шириной чуть больше полутора. Все прозвали этот коридорчик предбанником. В нем стоял маленький холодильник, стол и сундук, на котором мне стелили постель. Стена предбанника выходила на лестничную площадку и те, кто приходил к нам, не звонили в дверь, а стучали ногой в стенку – это означало, что свои. Низкие сводчатые потолки, два окна, выходящие в типичный питерский двор-колодец, где по утрам шумели грузчики, разгружавшие машины мясной и овощной лавок. И, что совсем удивительно, еще в начале шестидесятых годов дом отапливался дровами – в каждой квартире стояли печки. Такая же печка была и у нас. Черная, чугунная и круглая она напоминала большую буржуйку, но в отличие от неё долго хранила тепло. По рассказам бабушки и другой ленинградской родни в тех домах, где было печное отопление, блокаду пережить было гораздо легче. Людей губил не только голод, но в первую очередь холод. Позже печка исчезла

и в скворечнике, как и в других комнатах квартиры, появились привычные батареи центрального отопления. Все неудобства типа высокого четвертого этажа, единственного крана с холодной водой на кухне и тогда еще керогазов вместо нынешнего природного газа с лихвой окупались местоположением жилья. Центрее трудно придумать – угол Невского и Герцена. За одним углом Дворцовая площадь, за другим – набережная Мойки. Через Неву дивный музей военно-морского флота, далее музей артиллерии – что еще нужно мальчишке. Дома лишь ночевали, а остальная жизнь кипела в школе, музеях (вход школьникам бесплатный), в изумительных пригородах. Красотища, если еще учесть, что бытовые проблемы в том возрасте не осознавались и не мог я себе много позже представить, как же взрослые умудрялись жить в тех условиях, и почему мама плакала, когда мы уже здесь в Городе въехали в собственную двухкомнатную квартиру.

После окончания аспирантуры и успешной защиты диссертации маму направили в наш Город создавать молочную науку в виде НИИ. Она его так создала и директорствовала до самой своей смерти в совсем далеко еще непреклонном возрасте. Отец умер вскоре после воссоединения нашей семьи, и я остался с мамой. Которая в силу своих служебных дел моим воспитанием занималась лишь по вечерам после очередного вызова в школу по поводу безобразного поведения ее сына, т.е. меня. Странно, но формулировка «безобразное поведение» не отражала реальной сути дела. Да, я был в понимании учителей отъявленным хулиганом. А как еще, если шесть раз был изгоняем из школы. В действительности все мои проблемы происходили от излишней любознательности и подвижности. Стырить в кабинете химии кусок натрия и проверить, взорвет он унитаз или нет? Взорвал, в женском туалете. Неделю я блаженствовал вне школы. Однако был водворен обратно после того, как мама оплатила восстановление сортира, и вымолила прощение у звероподобного директора. Который был звероподобен лишь внешне, из-за чего мы, ученики младших классов, боялись его до икоты. А на самом деле отличался добрым и даже излишне мягким характером, чем мы уже в старших классах беззастенчиво пользовались. Другой раз, перегнувшись через подоконник, я вылил ведро воды на головы, как предполагал, двух девиц из параллельного класса этажом ниже. Они периодически высывались из окна и кричали нам что-то очень обидное. В момент опораживания ведра вместо двух голов появилась одна. Но уже завуча, противной тетки, которая в отличие от директора имела ангельскую внешность и звероподобный характер. Опять неделя дома, опять мольбы мамы и опять же водворение в школу. Подобных случаев было аккуратно шесть, что и соответствовало числу исключений. До последнего полугодия выпускного класса у меня по поведению была крепкая четверка. Но, появление этой оценки в аттестате грозило почти волчьим билетом, с которым соваться в любой ВУЗ было почти бесполезно. Я, скрипя зубами, смирился и вымучил пять баллов за год и, следовательно, в аттестат. Но это все было потом.

А вскоре после смерти отца мама стала интенсивно привлекать бабушку для воспитания, отбивающегося от рук ребенка. Процесс воспитания протекал на двух основных временных отрезках – мои приезды в Ленинград на каникулы и приезды бабушки к нам. Надо отметить, что в силу специфического бабушкиного характера, они с мамой могли уживаться лучше всего на расстоянии или в случае крайней необходимости не более пары месяцев подряд под одной крышей. После чего был необходим антракт. Таким образом, график моего воспитания выглядел следующим образом: лето в Ленинграде или на даче у родни в Луге, сентябрь-октябрь у нас, осенние каникулы там, вторая четверть у нас, зимние каникулы там. В основном в Комарово на лыжах с дядей, маминым двоюродным братом. Самую длинную четверть, третью, обе стороны целиком не выдерживали, и я получал месячную передышку, когда бабушка съезжала к себе, а мама моталась по командировкам. Понятно, что на последнюю четверть, отдохнув-

шая от выяснений отношений с мамой, бабушка возвращалась к нам и по окончании четверти забирала меня к себе на лето.

Итак, бабушка. Родилась в самом начале 20 века в семье полковника и была предпоследним ребенком из шестерых детей (четырёх девочек и двух мальчиков). Родители бабушки потомственные польские дворяне. Достоверно удалось установить самое раннее упоминание их фамилии – 1684 год. Так как оба родителя были католиками, то все дети при крещении получали по два имени. Бабушка же, как самая любимая, получила три: Алина, Станислава и Беатриче. В миру же все знали её по первому. По юношеской тупости я особо не интересовался бабушкиной жизнью того периода. Лишь иногда по какому-либо поводу она вдруг вспоминала забавные сценки. Много я уже забыл, но некоторые помню. Например, несколько воспоминаний Стефании Ивановны, моей прабабушки.

«Один эпизод в моей жизни укрепил во мне веру в сверхъестественное. Когда моя сестра Ядвига скорострительно умерла, все решили, что причиной тому был сердечный приступ. Но какая-то невидимая сила тянула меня посмотреть вполне определенный ящик ее стола. В нем оказалось много вещей, и опять что-то толкнуло меня чтобы посмотреть именно кошелек: там была записка, из которой я узнала, что она покончила с собой».

«Я видела императорскую семью на маневрах в Тамбове. Мы, жены офицеров стояли в толпе зрителей. Когда кавалькада всадников проехала мимо, Великий Князь обернулся и посмотрел на меня».

«Однажды в Москве я увидела, как какой-то человек, стоя на бочке окруженной толпой, говорил речь. Мне сказали, что это некто Ленин...»

«Среди студентов, приходивших к нам, был один, не выделявшийся среди остальных. Я никогда бы не подумала, что из него выйдет Пилсудский...»

Образование бабушка получила весьма специфическое. Окончила в Москве Благородной дамы Чертковой институт благородных девиц. В отличие от Смольного института таких же благородных девиц, собственно образования она практически не получила. Основной задачей выпускницы было стать образцовой женой. По этой причине бабушка знала три языка – английский, французский, немецкий, умела рисовать (учителем был известный художник Архипов), знала хорошо историю (ее преподавал Н. А. Кун – автор широко известной книги «Легенды и мифы древней Греции»), прекрасно готовила. А все остальное – постольку поскольку. Это, как ни странно, я впервые услышал от нее про географию и извозчиков. Особенности неладья у бабушки были с математикой, хотя, вот парадокс, всю свою жизнь после революции она проработала бухгалтером! Я описываю начало её пути с тем, чтобы было ясно – понятие о воспитании детей у неё было крайне своеобразное и можно считать чудом, что она этим воспитанием умудрилась не нанести непоправимый вред мне и через меня обществу, в которое я со временем влился.

Во времена совместного проживания в Ленинграде, как я отметил ранее, свободного времени у меня было немного. Помимо школы бабушке вздумалось обучать меня английскому языку. Сначала она написала 300 английских слов русскими буквами и заставила просто выучить наизусть. Можете себе представить моё произношение! Видя результаты, бабушка устроила меня в группу таких же страдальцев, с которыми частным образом занималась преподавательница английского языка в каком-то ВУЗе. Звали ее Милица Теодоровна. Говорили, что большую часть жизни она прожила в Англии, и её особо ценили за истинное произношение. Занятия были в целом необременительными. Мы учили стихи, читали, ставили небольшие сценки, рисовали. Особое удовольствие доставлял мне путь домой. Дорога шла от Васильев-

ского острова и я делал большой крюк, чтобы полюбоваться на корабли у пристани. А когда занятия проходили по воскресеньям, заходил по дороге в Зоологический музей или музей этнографии.

По выходным дням было принято встречаться с родственниками и друзьями. Недалеко от нас жила семья, состоявшая из трех дам: Зои Павловны, подружки детства и однокурсницы бабушки по тому самому институту, тети Риммы, её дочери и одной из ближайших маминых подруг и Тани, её внучки и почти моей ровесницы. В хорошую погоду, как правило, мы встречались посредине между нашими жилищами в Таврическом саду. Зоя Павловна с Таней и мы с бабушкой. Как я понял гораздо позже, постоянство встреч, вероятно, обуславливалось мечтами обеих семей о нашем совместном с Таней будущем. Как женщина Таня меня в том юном возрасте не интересовала, но зато я считал её верным другом. Как Таня считала, я не знаю, а ныне она говорит, что не помнит. Может и не врет. В те годы в Ленинграде ещё не вымерла особая категория старушек. Хотя какие они старушки в том своём раннем пенсионном возрасте. В прохладную погоду они, как на подбор сухощавые (последствия пережитой блокады), в неярких пальто и аккуратных платьицах, в простых, но кажущихся изящными туфельках и в шляпках удивительно разнообразного фасона. На пальто или платье брошки, на шее бусы. В основном недорогая бижутерия, но встречались и натуральные вещи. Летом, легкие платья с обязательными кружевными воротничками и манжетами, белые носочки и белые панамки. Именно такие панамки носили в Союзе юные пионеры. Ленинград в те годы был тихим спокойным городом. То ли последствия блокады, то ли не выветрившаяся память о столичном статусе делали этот город совершенно особенным. Приезжих удивляли очереди на остановках общественного транспорта. Никакой толкучки, все стоят в одну линию и заполняют транспорт без суеты и толчеи. Продавцы вежливые, прохожие идут не спеша, по эскалатору в метро никто не бежит. Колоссальный контраст с Москвой, куда я попал первый раз уже студентом. Да и сейчас Питер во многом остался таким же, особенно в то время, когда заканчивается туристский сезон. Да и в сезон, пожалуй, только на Невском, да у музеев толпы. А стоит нырнуть от Невского чуть дальше и зачастую всего несколько человек в поле зрения.

Пока мы с Таней носились по парку, бабушки вели степенную беседу о чудесных прошлых временах.

– Вы помните, дорогая Алина Габриэльевна, – начинала Зоя Павловна, – приезд великой княжны в 1914! – Как же, конечно, помню. – А помните, что нам всем тогда в честь её приезда подарили чудесные наручные часы. – Да, да, На таком черном бархатном ремешке! – Помните, как мы передразнивали противную французенку – Же ву зем, же ву за дор, живо за ноги и об забор! Ха-ха-ха! и так далее и тому подобное.

Некоторые друзья и родственники жили вдали от центра, на окраинах города, которые выглядели почти по-деревенски, и к ним полагалось наносить визит не чаще раза в месяц. Это были длинные путешествия на двух автобусах, которые ходили довольно редко и путь туда занимал почти два часа. Поэтому визит был рассчитан на целый день и возвращались мы домой поздним вечером. Почти все жили тогда в коммунальных квартирах, и отдельная квартира считалась исключительной роскошью, которой обладали лишь единицы из круга родни и друзей. Гораздо позже, когда я учился в старших классах, а тем более, будучи студентом, я старался приезжать в любимый город каждые каникулы. Бабушка всегда тщательно готовилась к визиту единственного, и поэтому обожаемого внука. Эта подготовка включала: составление плана совместных и самостоятельных визитов к родственникам и друзьям, закупку трех, как минимум, килограммов бананов (я их обожал, но у нас в городе их сроду не завозили), а также два деликатеса – балыковую колбасу из Елисейевского и копченую кету.

В нашей квартире жило 5 семей. Естественно, что сцены типа Вороньей слободки бывали и у нас. Бабушка моя была самой образованной среди других обитателей и по этой причине всегда была над схватками. Противники по очереди обращались к ней за советами, с просьбой правильно и грамотно составить жалобу на соседа, выступить судьей в очередной склоке или, по крайней мере, свидетелем. Бабушка с вдохновением исполняла эти роли, чем заслужила признание всех жильцов. Отблески же её славы частично освещали и моё безмятежное детство. Все жители этой коммуналки пережили блокаду. Бабушка не любила вспоминать то время. А я, дурак, не настаивал. Только иногда, урывками, бабушка вдруг вспоминала какие-то случаи и события. Больше всего она рассказывала о попытках эвакуироваться из города в Свердловск, куда успела отправить мою маму. Там жила почти вся наша родня по бабушке – её сёстры и младший брат. Старший же брат был репрессирован за дружбу с Пятаковым и расстрелян. Последняя третья попытка почти удалась, но уже на приличном расстоянии от города поезд, в котором ехала бабушка, был полностью разбомблён. Погибли практически все. Бабушка рассказывала, что она успела упасть в какую-то канаву и, уткнувшись лицом в землю, молилась. Молитву эту она повторяла мне много раз, но она была на польском и я, опять же дурак, не запомнил и не записал. Бабушка вернулась в город и поступила на работу бухгалтером в столовую. Это и печка в скворечнике спасли её жизнь. Работа в столовой давала возможность всегда отоваривать карточки, что было очень важно, потому как многие не успевали и гибли от голода. Кроме этого, уже, по словам моего дядюшки, бабушке удавалось каким-то образом использовать карточки дважды, избегая их уничтожения. Этим добавочным пайком она делилась с родственниками и одного из них, двоюродного племянника спасла от голодной смерти.

Бабушка красавица в молодости и в блокадное время, я думаю, была достаточно привлекательна. По отрывочным ее воспоминаниям было ясно, что успехом она пользовалась, и этот успех был также немаловажным источником поддержки. Но в основном она помнила и рассказывала мне действительно жуткие истории из жизни блокадного города. Настолько жуткие, что я, хоть и помню многие, но описать рука не подымается. Тем более, что они часто идут вразрез с официальной информацией. Что в этом? Правда жизни или бабушкины вымыслы? Не знаю. И уже не узнаю. Тем не менее, бабушка прошла этот путь, хотя не раз была на волосок от гибели. Немецкий снаряд пробил стену в соседней квартире, но не взорвался, а бабушка была рядом. Налет бомбардировщиков застал её на мосту через Мойку. Бомба упала рядом и опять-таки не взорвалась. Бабушка все эти и подобные им случаи относил на счет силы той самой молитвы, которая спасла её во время неудачной эвакуации... Вот что удивительно. Пройдя через все эти испытания, бабушка сохранила жизнерадостность и какую-то лёгкость. Она могла легко всплакнуть, и тут же засмеяться. Чтобы не случилось, её лозунгом было: – Nic straszego! – Ничего страшного!

По-настоящему за мое воспитание бабушка взялась, когда мы покинули Ленинград. Первое, что она сделала, завела ученическую тетрадку на обложке, которой было написано: «Хорошие и плохие поступки моего внука». Страницы были расчерчены на две части и над левой была надпись: «Плохие поступки», а над правой, соответственно: «Хорошие поступки». Этот уникальный документ был обнаружен моей женой во время очередной генеральной уборки квартиры. Процесс уборки был прерван надолго, так как жена лежала в конвульсиях, зачитывая избранные места нашему пятикласснику-сыну. Я взвыл от такой не педагогичности и попытался прервать процесс своей дискредитации. Жена же, давясь от смеха, сообщила мне, что то были цветочки, ягодками же был найденный там же мой дневник. Который был испещрён записями типа «Прошу Вас срочно зайти в школу» или «Ваш сын безобразно вел себя на уроке – связал под партой шнурки соседки, которая была вызвана к доске и упала

на первом же шаге!». Не говоря уже об оценках. Обладая чисто техническими склонностями, я терпеть не мог литературу, русский язык и подобные предметы. Что находило отражение в соответствующих графах. Если посчитать среднее арифметическое, то выше 3.2—3.5 никак не выходило. Что в корне противоречило моим воспитательными сентенциям типа: «Вот я в твои годы...». Бабушкины же записи вскрывали дополнительные черты и так уже далеко не столь привлекательного образа. К плохим поступкам относились: грубил бабушке, отказался вынести мусор, гулял во дворе допоздна, не сделал уроки, не помыл за собой посуду и т. д. и т. п. В разряде же хороших, были такие записи: «отремонтировал полочку, покрасил столик, заменил перегоревшую лампочку». Как вы понимаете, часть тетрадки в разделе плохих поступков была заполнена почти полностью, в то время как раздел хороших сиротливо синел десятком записей. И это лишь за один год! Хорошо еще, что оба документа приходились на мой шестой класс. Представляю, если бы нашлись более поздние. Сын очень внимательно, почти без улыбки прослушал этот краткий курс истории своего отца и, намотав на ус особо эффектные сообщения, удалился к себе для выработки стратегии поведения в условиях новой информации.

Как я отметил ранее, бабушкины представления о моем воспитании были, мягко говоря, своеобразными. Начнем с моего внешнего вида. Бабушка считала, что я должен производить «впечатление». Под этим она понимала, например, наличие у меня лба мыслителя. С целью достижения требуемого результата мне делали челку где-то посередине между бровями и затылком. Эффект был совершенно обратный. Лоб зарастал так, что я скорее становился похожим на промежуточное звено в эволюции обезьяны в человека. Только к тридцати годам появляющиеся залысины, в конце концов, восстановили мой более или менее человеческий облик. Еще хуже с одеждой. До школы меня наряжали в бриджи с пуговками под коленками, чулки и бархатные курточки, что производило неизгладимое впечатление на местную шпану. В начальной школе мы в те времена ходили в форме, что спасло меня от издевательств одноклассников. Позже бабушка насмерть стояла сначала против брюк-клёш, потом против излишне зауженных, потом против длинных волос, потом против бороды и т. д. Даже будучи женатым зачастую встречал крайне неодобрительный взгляд бабушки и бормотание на тему, что «Эта» не может одеть меня как следует. «Эта» – так бабушка называла мою жену. Вообще, бабушка обожала свою дочь, мою маму, меня и своего гениального племянника. И соответственно, терпеть не могла всех, кто нас окружал. Она не любила моего отца, потом отчима, мою жену и даже своего правнука. Причем её главным аргументом было то, что «Эти» все нас недостойны. Бабушка не грубила, не устраивала сцен, но так поджимала губы и одаривала таким взглядом, что человек тут же осознавал своё полное ничтожество в её глазах. Борьба с этим было невозможно, что, кстати, было одной из основных причин, почему она и моя мама не могли долго уживаться друг с другом.

Будучи интеллигенткой во многих поколениях, она иногда вела себя совсем не интеллигентно. В соседней квартире жили две сестры, одна моего возраста, другая на год младше. Их мать была завучем в соседней школе, а отец, естественно, преподавателем научного коммунизма в ВПШ. Девушки посещали музыкальную школу, а дома отрабатывали гаммы на пианино, установленном у соседней с нашей квартирой стенки. Можете себе представить, каково нам было! Никакие просьбы переставить инструмент к противоположной стене, увещевания и даже мягкие угрозы не действовали. Бабушка нашла простое решение. В то время я обзавелся магнитофоном и постоянно крутил современную музыку, т.е. рок, Битлз и прочее. Бабушка установила этот магнитофон в комнате у стенки и как только девушки начинали измываться над пианино, требовала врубить на полную громкость что-нибудь особенно резкое. Например, Satisfaction, Rolling Stones! Иначе говоря, зуб за зуб, око за око! Эффект был ошеломитель-

ный. Соседи взвыли и просили ради Христа прекратить! Но бабушка была неумолима. Пианино передвинули. А вернувшаяся с работы мама пришла в ужас. Они долго ругались на кухне по польски, да так разругались, что бабушка уехала в Ленинград раньше срока. Я ликовал, музыкальный кошмар прекратился и в мамины командировки мог свободно предаваться разгульной жизни без надлежащего присмотра.

Если бабушка считала, что она права, то превращалась в стенобитное орудие времен средневековья. Ей ничего не стоило в рамках прав покупателей прямо таки измываться над продавцами. Купила коврик на стену, пришила петельки и повесила. Недели через три поняла, что он ей не нравится. Вернула в магазин с петельками, купила новый. Та же история. Остановилась на четвертом варианте. Когда мы с ней проходили мимо того магазина, при её виде на двери мгновенно появлялась табличка «Закррито на переучет». Однажды купила в соседнем рыбном магазине селедку. Съела кусочек, не понравилась. Сдала! Честное слово. Так как в окрестностях нашего дома было всего несколько магазинов, в которых продавалось всё и не требовалось бегать дальше, мы с мамой слёзно просили бабушку не буйствовать. Ей-то что, пару месяцев у нас и домой, а нам тут жить... Кстати, её пример общения с системой услуг в городе оказался заразительным. Я, уже будучи женатым человеком, успешно бомбил соседние магазины в процессе поиска дефицита, который как раз наступил с началом моей самостоятельной семейной жизни.

Среди своих сестер и братьев бабушка выделялась своими талантами. Мало того, что она свободно говорила на английском, французском и польском языках, а также неплохо по немецки, так она писала стихи на этих языках. Все мы, её родня, получали стихотворные поздравления к различным праздникам: я на английском, мама на польском, подруги на французском и т. д. Кроме этого, она рисовала. Не скажу, чтобы уж очень, но для любителя совсем неплохо. Свои картины она раздаривала близким. И сейчас у меня в квартире висят наиболее ею любимые. Особенно ей удавалось копирование. Как-то раз, когда я был на каникулах в Ленинграде, она каждое утро бегала в книжную лавку. Там висела картина – морской пейзаж. Он так ей запал, что она решила написать копию. Так как сделать это в самом магазине или заполучить картину домой хоть на день было невозможно, она и бегала, чтобы запомнить кусочек и нарисовать. Я потом сравнивал копию с оригиналом. Поверьте, копия была лучше! Похожая история случилась с картиной малоизвестного сейчас, а в свое время затмевавшего славой самого Левитана, художника М. Гермашова. В очередной визит к племяннику, страстному филокартисту, она увидела открытку с изображением одной из самых известных картин Гермашова «Зима». Бабушка написала такую удачную копию, что я, не смущаясь, выдаю её за авторскую. Запах красок сопровождал всё мое детство и, возможно, стал основной причиной моего, а позже и нашего семейного увлечения живописью. К сожалению, хотя и моя мама рисовала, на мне, моём сыне природа решила отдохнуть, а чтобы не создавать проблем в семье, заодно отдыхает и на жене. Так что страсть к живописи вылилась у нас в филокартию (коллекционирование открыток), собирательство книг по живописи и посещение художественных музеев. Последнее стало реальной причиной наших путешествий по миру. Выбор города для посещения определяется наличием в нем пристойного музея и в результате мы смогли посетить практически все крупные европейские музеи и часть американских.

С бабушкиным рисованием связана еще одна история. Как я отмечал ранее, по своей дуруости я мало интересовался подробностями её жизни. Причем не только блокадного периода, но и гораздо более раннего. Но тут в своё оправдание замечу, что тридцать седьмой год и расстрел старшего бабушкиного брата оставил глубокий след в её душе. Она панически боялась повторения тех времен. Стоило мне включить «Спидолу», всеволновой транзисторный

приемник, и начать слушать вражьи голоса, как бабушка влетала в комнату, закрывала окно, захлопывала форточку и требовала отключить громкость и слушать через наушники. Видимо по этой причине она неохотно вспоминала то время, а я не настойчиво приставал. Известно немного. Например, первый раз она вышла замуж совсем молоденькой, кажется, в 18 лет. Но сбежала тут же, когда обнаружила у мужа лысеющую макушку. Также неизвестны подробности ее знакомства с моим дедом, немцем, попавшим в плен в Первую мировую войну. Дед же ушел из семьи, когда маме было лет 5. Его расстреляли в 1940 за дружеские отношения с Пятаковым. Причиной ухода, по словам бабушки, было его увлечение женщинами, что подтверждается материалами КГБ, которые мне удалось получить и прочитать. Бабушка воспитывала маму одна.

Еще ребенком, я с удивлением обнаружил на плече у бабушки странную татуировку. Полумесяц, пронзаемый мечом и шестиконечная звезда. Причем не звезда Давида, а странная остроконечная. На мой вопрос, бабушка, слегка смущаясь, говорила, что дурацкое увлечение молодости, что это было модно в те времена. Позже я узнал, что такие же татуировки были на плечах у её сестер. Правда все они эти татуировки свели, осталась только бабушкина. Я совсем позабыл про это, а вспомнил тогда, когда уже после бабушкиной смерти разбирал её фотографии. На одной она была запечатлена на даче моего дядюшки в Луге за рисованием натюрморта. Легкое платье без рукавов обнажало плечо, на котором ясна была видна эта татуировка. А через несколько лет мы с моей московской кузиной занялись восстановлением истории нашей семьи. Разыскивая истоки фамилии по женской линии, я случайно нарвался на польский гербовник, где к своему полному изумлению увидел герб семьи – золотой полумесяц, пронзаемый мечом так, что с другой стороны он казался католическим крестом, водруженным над полумесяцем, а слева – та самая звезда. Остроконечная немецкая геральдическая. Оказалось, что бабушки и её сестры таким странным образом решили сохранить вид семейного герба!

Особой страстью бабушки были платья и украшения. К сожалению, в блокаду практически всё было утеряно. Старинная мебель была сожжена в печке, так как часто дров просто было не достать, драгоценности почти все были обменены на продукты, одежда изнашивалась. Но бабушка умудрялась из крайне скромного в те времена ассортимента тканей шить свои удивительные платья, а дешёвая бижутерия на них выглядела как самая что ни на есть драгоценность. Платьев было много. Каждое на определенный случай. Многие из них имели свои названия. Помню, как под впечатлением посещения концерта пианиста Ван Клиберна бабушка пошла шикарное бархатное тёмно-вишнёвое платье, которое так и называлось – Ван Клиберн. Каждое утро начиналось у зеркала. Бабушка надевала платье данного дня, долго примеряла клипсы, ожерелье, кольца, подкрашивала брови и губы. Она всегда выглядела дома не просто опрятно, а как-то по праздничному. Кстати и моя мама, и жена никогда дома не допускали так называемого домашнего вида. Никогда с самого детства по настоящее время я не видел дома на близких мне женщинах чего-то неопрятного – всегда причесанные, изящно одетые, слегка подкрашенные они создавали праздничную атмосферу. Кроме всего бабушка прекрасно готовила, и только благодаря ей я полюбил кулинарию и научился готовить сам, а позже стал учителем своей жены, которая в момент начала нашей совместной жизни умела весьма отдаленное представление об этом искусстве. Наше знакомство с ней произошло как раз по причине её сложных отношений с кухней, когда она в стройотряде свалила всех бойцов кулинарными упражнениями и сама заметно повредила свой организм за кампанию. Надо тут же отметить, что жена оказалось на редкость способной ученицей и быстро превзошла своего учителя, о чём я не только не жалею, но с бурным восторгом приветствую.

В чём же, в конце концов, заключалось бабушкино воспитание внука? Да ни в чём! Просто она была потрясающе легким человеком, прожившей тяжелую жизнь, потерявшую свою любимую дочь, но оставшаяся жизнерадостной до самого своего ухода. Может быть, просто её пример и оказался тем, что и надо было мне, чтобы быть таким, каким я стал и каким надеюсь остаться.

Проныра

У. Хоггарт. Из жизни Тома. Пир.

Совсем недавно мы с женой культурно отдыхали. Нет, не в том смысле, что грамм по сто пятьдесят, а в самом что ни есть прямом смысле. Посетили выставку Бакста в нашем художественном музее. Его, как Арт-Нуво с Миром Искусства в придачу мы любим и знаем, так что обоснование мероприятия налицо. Выставка открылась довольно давно, день будний и поэтому народа относительно не много. Разделись, купили билеты и направились в зал. Я, выдрессированный моей женой почти в джентльмена (точно знаю, в какой руке должна быть вилка, если в правой руке зажата котлета), пропустил даму вперед и задержался при входе для предъявления билетов. Жена впорхнула в зал и была почти немедленно остановлена двумя подозрительными мужиками. Позже, чтобы усилить впечатление, она говорила, что издали заметила их пристальный и оценивающий взгляд. Дескать, выбирали нечто самое неординарное, выдающееся и привлекательное среди посетителей. Это неординарное, выдающееся и привлекательное определялось тем, что кроме выставки мы собирались укрепить ослабшие организмы хорошим кофе и отличными пирожными в известном заведении, и по поводу появления в нём жена приготовилась, по её словам, выглядеть.

Она игриво защебетала с типами, я слегка взволнованный её избыточно оживленным видом подошёл ближе.

– Небось, мошенники какие-то, сейчас наобещают три короба, а там, смотришь, и без штанов расстанемся. Естественно, моих. Кошелёк – то наш именно там, – подумал я с испугом.

Испуг был обоснован информацией, поступившей накануне от родни из Питера. Как сообщила кузина, мой любимый Дядюшка, почетный профессор Питерского университета, безусловный гений (без кавычек) нашей семьи попался. Каким образом мошенники прознали про его легкие проблемы со здоровьем неведомо, но узнали и достали по телефону. Дядюшка вовсе не простака, но что на него нашло, ума не приложу. Сначала они сообщили ему, что знают его проблемы и готовы помочь за скромное вознаграждение. Потом попросили подышать в трубку – телефонную! (Хорошо, что не попросили еще и пукнуть в нее!). Прослушав его взволнованное дыхание, заявили, что у Дядюшки тромб в мозжечке. Затем предложили замерить давление в положении стоя, сидя и лежа. По результатам исследования заявили, что он, по его словам, откинет копыта не позднее конца недели и единственное спасение немедленная госпитализация. Для этого требуется перевести на счет больницы триста пятьдесят тысяч рублей. Дядьку спасло лишь отсутствие требуемой суммы, а когда он обратился к дочери за недостающей частью, общими усилиями зятя и внука был спасен. Как оказалось, это был не первый случай. Просто раньше суммы были гораздо меньше и собственных средств Дядюшке хватало.

Ну, с другой стороны, моя жена непредсказуема. Может быть абсолютно доверчивой, чем беззащитно пользовался наш тогда еще юный сын, нещадно дурившей ей голову в моё отсутствие, но может быть наоборот настолько недоверчивой, что не поверит в моё честное объяснение появления подозрительного пятна на воротничке. Как оказалось, я промахнулся. Два подозрительных типа оказались менеджерами банка, который спонсировал организацию выставки и даже приобрёл у частных коллекционеров несколько картин за очень большие деньги. Более того, как оказалось, по их словам, жена была тысячным посетителем выставки и ей полагались подарки и интервью. С подарками я смирился, а с интервью нет, и влез в него с ногами, как обычно. Типы на это согласились благосклонно, видимо, заранее предполагая, что меня все равно оттуда частично вырежут. Потом нас фотографировали. Причем с такого ракурса, чтобы мой обычный бомжеватый вид был частично скрыт правильно выглядевшей женой. Потом это все показали по телевизору, разместили в интернете и на страницах пары газет.

– Вот же, проныра, – подумала большая группа недружественного к нам населения, – опять этот гад встрял!

Тут надо отметить, что их замечание было частично справедливо. Частично, потому, что такое происходило не раз, и не два, и ей-богу, я никогда не был инициатором, а все происходило по странному стечению обстоятельств. Просто планида у меня такая – встречать.

Еду в командировку в Словакию. По совпадению, в Братиславе живут мои близкие друзья, у которых я намеревался пожить для экономии командировочных расходов. Сообщать заранее не хотел, зная неумный характер хозяйки, которая из моего приезда делает невероятное событие и начинает подготовку за пару недель, доводя до изнеможения всё своё семейство. Как обычно, я сначала добирался одним поездом до Праги, а потом уже другим до Братиславы. В Прагу поезд прибывал рано утром, следующий же был после обеда. Я с удовольствием тратил имеющееся время на пиво, шпикачки, кофе, изумительные пирожные и другие радости. Выйдя из вокзала, я медленно двинулся в сторону Вацлавской площади, где находился маленький ресторанчик самообслуживания с теми самыми шпикачками и дивным темным разливным пивом. Проходя мимо знаменитого отеля «Ялта» в самом начале площади, я обратил внимание на непривычно большую для этого времени дня толпу у входа в отель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.